

Линь Цзэюй смотрел на Тулесов — того самого насекомого, что отсек голову его Отцу-носителю, — теперь разорванного на части толпой. Он видел, как один за другим падают насекомые, уже не в силах подняться, как их растерзанная плоть никогда больше не станет целым.

Глядя на поле боя, напоминавшее кровавый ад, Линь Цзэюй испытал мимолетное сожаление: стоило ли выбирать столь жестокий путь? Он не знал, как долго продлится эта бойня и как далеко она распространится...

Когда резня подходила к концу, внизу оставалось лишь несколько сотен особей. Тогда Гоэн достал ионную пушку, которую заранее перенес из убежища и спрятал на вершине башни, и открыл огонь по врагам. Кровавые ошметки разлетались в стороны, а от жара начал плавиться и гореть жир.

Линь Цзэюй стрелял из винтовки, уничтожая всех, кто пытался прорваться к башне. Когда боезапас иссяк, Гоэн подхватил Линь Цзэюя на руки и покинул башню.

Улетая на летательном аппарате, Линь Цзэюй бросил взгляд на догорающее вдали зарево и подумал, что вряд ли кто-то из них выжил.

Но стоило им почти покинуть Туйсо, как снаряд угодил прямо в кабину пилота. Левая сторона тела Гоэна была изувечена взрывом. Он, прижимая к себе Линь Цзэюя, пробил стеклянный купол и выпрыгнул наружу, приземлившись на заваленном контейнерами пустыре. Враг открыл шквальный огонь, но Гоэн, не разжимая рук, закрывал собой Линь Цзэюя.

Когда канонада стихла, Линь Цзэюй, прижимая руки к гудящей от звона в ушах голове, услышал тихие шаги. Разбудив Гоэна, он увидел, что к их контейнерам приближаются три фигуры.

Как только они подошли ближе, Гоэн рванулся вперед, свернув голову одному из нападавших. Линь Цзэюй мгновенно вскинул винтовку и пристрелил второго. Однако третий уже целился в Гоэна. Тот попытался увернуться, но пуля попала ему в плечо. У него оставался лишь один шанс.

В тот самый миг, когда Гоэн пронзил грудь врага, Линь Цзэюй разнес тому голову выстрелом.

Только тогда Линь Цзэюй заметил, как сильно пострадали крылья Гоэна и как обнажились кости на его спине. Гоэн, истощив последние силы, потерял сознание прямо посреди пути к спасению.

Это был третий раз, когда Гоэн видел слезы Линь Цзэюя. Первый — когда умер Вален, второй — когда он сам прыгнул с грузового корабля, чтобы найти Линь Цзэюя, и третий — сейчас.

Гоэн был в смятении. Он не знал, как утешить его. В его глазах Линь Цзэюй всегда был мудрым, стойким и мягким человеком.

Даже когда они забрели в Переулок Упокоения и чуть не были растерзаны, Линь Цзэюй, не давая ему выйти из-за своей спины, хладнокровно вел переговоры. Даже истекая кровью, он улыбался и рассказывал Гоэну о следующем шаге своего плана.

Поэтому Гоэн, стоя рядом с Линь Цзэюем, никогда не знал страха и всегда верил ему. Лишь однажды, когда Линь Цзэюй бросил его, он впервые ощутил настоящий ужас.

Линь Цзэюй, уткнувшись в плечо Гоэна, плакал. Плакал об одиночестве в чужом мире, о смерти Отца-носителя, о четырех годах постоянного страха и о потерянных крыльях Гоэна.

Гоэн был силен. У него могло быть бесконечное будущее, но для Расы насекомых потерять крылья — все равно что для солдата остаться без оружия. На Туйсо Линь Цзэюй увидел слишком много жестокости и крови. В этом мире, где выживает сильнейший, они казались зверями, умеющими пользоваться инструментами — по крайней мере, на Туйсо это было именно так.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Линь Цзэюй поднял голову.

— Гоэн, я поставлю тебя на ноги. Я сделаю так, что ты будешь жить хорошо, без тревог и забот.

Его голос звучал серьезно и твердо. Темные волосы разметались по плечам, пряди у висков намokли от слез, а на лице еще виднелись влажные дорожки.

Гоэн смотрел на Линь Цзэюя, видел в его глазах свое собственное крошечное отражение и тяжело кивнул. Уголки его губ дрогнули в улыбке, а в глазах замерцал свет, отчего его суровое, мужественное лицо вдруг стало мягким, словно у юноши восемнадцати лет.

Билл провел серию обследований и сообщил, что Гоэн восстанавливается неплохо, но нервы, связанные с перьевыми крыльями, повреждены слишком сильно, и даже после ампутации ущерб остался критическим. На Хуэйпудуне не было точного оборудования для восстановления таких нервных окончаний.

Линь Цзэюй смотрел на Гоэна, осторожно лежащего на животе. Тот старался терпеть, но судорожно подергивающиеся мышцы спины выдавали его мучения. Линь Цзэюй отвел взгляд, потер сухие глаза, глубоко вздохнул и, поблагодарив Билла, проводил его из палаты.

Затем он, как обычно, с улыбкой посмотрел на Гоэна, словно ничего не случилось, и спокойно начал излагать свой план — так, как Гоэн привык слышать от него.

— Ты еще слаб, тебе нужно отдохнуть и подлечиться. Я нашел работу, и как только заработаю

достаточно на дороге, мы покинем Хуэйпудунь. Улетим на планету второго класса, где смогут тебя вылечить. Звездные кредиты, которые мы должны Биллу, вернем уже после перелета. Нам нужно убираться отсюда как можно быстрее, и из-за твоих ран, и из-за того, что мы оставили после себя на Туйсо.

В тот день, покидая корабль, он не мог забыть слова той самки насекомого, поэтому, помедлив, добавил:

— Гоэн, береги себя. Ты — все, что у меня осталось.

Гоэн кивнул. Линь Цзэюй накрыл ладонью его глаза, заставляя закрыться и отдохнуть, а сам открыл оптический компьютер и принялся за работу.

За один присест он написал пятьдесят текстов, почти полностью исчерпав запас своих литературных знаний. Помассировав переносицу, он уснул прямо в кресле.

Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что лежит в кровати, а Гоэн по-прежнему сидит рядом и не сводит с него глаз. Линь Цзэюй медленно перевернулся на спину и, прикрыв глаза рукой, тихо рассмеялся.

Потрепав Гоэна по голове, он встал, умылся и сообщил, что ему нужно идти к Биллу на процедуры. Разумеется, Гоэн захотел пойти с ним.

Линь Цзэюй пришлось оставить его за дверью процедурной, наказав не входить — он просто не мог вынести вида скулящего пса. Во время процесса Линь Цзэюй до боли сжимал зубы, чтобы не издать ни звука.

Когда Билл вывез его из кабинета, он успел лишь слабо улыбнуться Гоэну, прежде чем потерять сознание. А когда очнулся — то же место, тот же Гоэн рядом. Линь Цзэюй погладил его по голове и тихо похвалил:

— В этот раз ты не буянил. Какой послушный!

Услышав почти ласковый тон, Гоэн спрятал лицо в ладони, а его кончики ушей покраснели. Линь Цзэюй вернулся к работе, и после написания еще сорока текстов обессиленно рухнул на кровать.

Придумывать что-то из ничего, не имея под рукой материалов, оказалось куда утомительнее, чем заниматься медицинскими исследованиями.

Голова была забита одними и теми же повторяющимися эпитетами. Заставив Гоэна лечь отдыхать, он набросал еще пятнадцать текстов и провалился в сон.

На следующий день Линь Цзэюй, как обычно, собрался к Биллу, но ему сообщили, что сегодня у него выходной. Линь Цзэюй в приподнятом настроении вернулся в палату.

Вскоре в дверь постучала медсестра и сообщила, что холл завален его посылками. Когда Линь Цзэюй спустился вниз и увидел двадцать ящиков с питательным раствором, он удовлетворенно улыбнулся: наконец-то ему больше не придется рыться в мусоре.

<http://bllate.org/book/20932/2119256>